

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви
Дом, в котором нет тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопrotивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки
Фся Альп
Первые ласточки
Капризы юной леди
Любовь юного повесы

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Хочу «Оскар»!

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

ЛЮБОВЬ
ЮНОГО ПОВЕСЫ

МОСКВА
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Burstenbinder
FLAMMENZEICHEN

Перевод с немецкого *Т. Моисеевой*

Художественное оформление *С. Власова*

Вернер, Элизабет.

В35 **Любовь юного повесы / Элизабет Вернер ;**
[пер. с нем. Т. А. Моисеевой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 416 с. — (Colombina.
Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-85900-9

Ссора между отцом и сыном заканчивается настоящей трагедией. Гартмут не в силах простить отца, узнав, что мать, которую он долгие годы считал погибшей, жива. Мальчик решает убежать из дома, чтобы, вырвавшись из ежовых рукавиц, обрести материнскую любовь и долгожданную свободу. Но вместо этого вынужден десять лет вести скитальческий образ жизни, окончательно разучившись любить. Однажды случай возвращает его в родные края...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Моисеева Т., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85900-9

❁ Глава 1 ❁

Серым, туманным осенним утром стая перелетных птиц улетала в теплые края. И, прощаясь с родными местами, птицы еще раз опустились над сосновым лесом, затем взвились высоко в небо, повернули на юг и вскоре растаяли в дали, затянутой туманной дымкой.

За полетом птиц наблюдал один господин, стоявший вместе с другим господином, которого, судя по всему, птицы нисколько не волновали. Тем не менее мужчины застыли у окна величественного, похожего на замок здания на опушке леса. Господин, с мрачным видом наблюдавший за стаей птиц, был высок, коренаст. Черты его лица отличались выразительностью, которую подчеркивали белокурые волосы и голубые глаза. Но точно какая-то тень омрачала его лицо, а высокий лоб изрезали более глубокие морщины, чем это обычно бывает у людей его возраста. Он носил мундир, но и без того по одной выправке в нем сразу угадывался военный.

— Осень, и птицы улетают, — протянул он, указывая на вереницу птиц. — Наступает пора увядания и в природе, и в нашей жизни.

— Ну, в твоей еще нет, — возразил его собеседник. — Ты еще только на середине жизненного пути, в самом расцвете сил.

— По годам — да. Однако мне кажется, что я состарюсь гораздо раньше других. Я частенько чувствую себя совершенно по-осеннему.

Другой господин — в штатском, среднего роста и тщедушный, по-видимому, немного постарше военного — недовольно покачал головой. Рядом с сильной фигурой соседа он казался почти незаметным, но его бледное лицо с резкими чертами выражало холодный расчет и спокойствие, а саркастически сжатые тонкие губы заставляли предполагать, что за аристократической сдержанностью скрывается и еще кое-что достойное внимания.

— Ты слишком серьезно относишься к жизни, Фалькенрид, — сказал он с неодобрением в голосе. — И вообще ты странно переменялся в последние годы. Никто из видевших тебя в былые времена молодым, жизнерадостным офицером не узнал бы тебя теперь. И отчего, скажи на милость! Тень, омрачившая когда-то твою жизнь, давно исчезла; ты — солдат и телом, и душой, тебя отмечают при каждом удобном случае, в будущем ты можешь рассчитывать на солидный пост, и, что главное, ведь сын остался с тобой.

Фалькенрид ничего не ответил; скрестив руки, он продолжал смотреть вдаль. Его собеседник продолжал:

— За последние годы мальчик стал просто красавцем; я был поражен, когда увидел его. К тому

же ты сам говоришь, что у него необыкновенные способности, а в некоторых отношениях он почти гениален.

— Я предпочел бы, чтобы у Гартмута было меньше способностей, зато больше характера, — сказал Фалькенрид почти жестким тоном. — Писать стихи, изучать языки — это ему семечки, но что касается серьезных наук, он оказывается позади всех, а в стратегии буквально ничего не смыслит. Ты не можешь себе представить, Вальмоден, к какой строгости мне постоянно приходится прибегать.

— Боюсь только, что ты немногого добьешься этой строгостью. Разумнее было бы последовать моему совету и отправить его в университет, для военной службы он не годится, ты же сам это видишь.

— Он должен годиться! Это единственно возможное поприще для такой своевольной натуры, которая не признает никаких авторитетов и любую обязанность воспринимает как притеснение. Университет и студенческая жизнь приведут Гартмута к полной распушенности, сдержать его может только железная дисциплина, которой он волей-неволей должен будет подчиняться на службе.

— Пока — да, но долго ли она будет в состоянии сдерживать его? Не обманывай себя на этот счет. К сожалению, это наследственные задатки, которые можно подавить, но не искоренить. Гартмут и внешне точный портрет матери: у него ее черты, ее глаза.

— Да, — угрюмо проговорил Фалькенрид, — ее темные, демонические, огненные глаза, которым все покорялось.

— И которые были твоей погибелью, — прибавил Вальмоден. — Как я предостерегал тебя тогда, как уговаривал, но ты ничего знать не хотел — эта страсть охватила тебя как горячка, я никогда не мог этого понять.

— Верю! Ты, холодный, расчетливый дипломат, тщательно взвешивающий каждый свой шаг, застрахован от таких чар.

— Твой брак с самого начала носил в себе зародыш несчастья. Эта женщина — иностранка, чужой нам крови, дикая, страстная славянская натура, бесхарактерная, лишенная всякого понятия о том, что у нас называется долгом и нравственностью, и ты со своими стойкими принципами, со своим тонко развитым чувством чести... мог ли привести к иному концу подобный брак? И тем не менее, мне кажется, ты все-таки продолжал любить ее до самого развода.

— Нет! Очарование исчезло в первый же год. Я все видел, но меня пугала мысль, что, решившись на развод, я выставлю напоказ свои домашние неурядицы, и я терпел до тех пор, пока у меня уже не оставалось выбора, пока... Но довольно об этом!

Он порывисто отвернулся и снова стал смотреть в окно; в его резко оборвавшейся речи слышалась с трудом сдерживаемая мука.

— Да, нужно было хорошо постараться, чтобы выбить из колеи натуру, подобную твоей, — се-

рзвенно заметил Вальмоден. — Но ведь развод освободил тебя от этих цепей, а с ними тебе следовало бы похоронить и воспоминание о них.

— Таких воспоминаний не похоронишь. Они постоянно воскресают в моей памяти, и именно теперь... — Тут Фалькенрид вдруг замолчал.

— Именно теперь? Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Поговорим о чем-нибудь другом. Итак, ты третий день в Бургсдорфе? Ты надолго здесь?

— Недели на две. У меня в распоряжении очень мало времени, и ведь, собственно говоря, я только формально опекун Виллибальда, так как дипломатическая работа заставляет меня жить большей частью за границей. Фактически опека находится в руках сестры, она всем заправляет.

— Регине эта обязанность вполне по плечу, — согласился Фалькенрид. — Она управляется с громадным имением и многочисленными рабочими, как мужчина.

— И командует с утра до вечера, как вахмистр, — добавил Вальмоден. — Я признаю все ее прекрасные качества, но чувствую, как у меня волосы встают дыбом каждый раз, когда заходит речь о моем визите в Бургсдорф, а возвращаюсь я оттуда всегда с расстроенными нервами. Там царит еще первобытный образ жизни. А Виллибальд — настоящий молодой медведь; при этом он, разумеется, олицетворяет собой идеал матери, которая делает все от нее зависящее, чтобы воспитать из него деревенского дворянчика. Тут никакие угово-

ры не помогают. Да, впрочем, и у него самого для этого есть все задатки.

Разговор был прерван приходом лакея, который подал визитную карточку. Фалькенрид взглянул на нее.

— Адвокат Эгерн? Хорошо, просите!

— У тебя дела? — спросил Вальмоден, вставая. — В таком случае я не стану мешать.

— Напротив, я попрошу тебя остаться. Меня заранее предупредили об этом визите, и мне известна его цель: речь идет о...

Он не договорил, потому что дверь открылась, и вошел господин, о котором было доложено. Он был явно удивлен, что застал Фалькенрида не одного, как, вероятно, ожидал, но последний не обратил на это никакого внимания.

— Господин Эгерн — секретарь посольства фон Вальмоден, — представил он их друг другу.

Юрист с холодной вежливостью поклонился и занял предложенное место.

— Я уже имел честь встречаться с вами, господин майор, — заговорил он. — Как адвокат вашей супруги в бракоразводном процессе, я имел удовольствие лично видеться с вами.

Он остановился и, казалось, ждал ответа, но майор Фалькенрид только молча утвердительно наклонил голову. Вальмоден вдруг стал очень внимателен, теперь ему стало понятно странное раздражение друга.

— И сегодня я представляю интересы своей бывшей клиентки, — продолжал адвокат. — Она поручила мне... Я могу говорить не стесняясь? —

И он многозначительно посмотрел на Вальмодена, но майор коротко ответил:

— Господин фон Вальмоден — мой друг, он посвящен в дело. Прошу вас не стесняться.

— Итак, моя клиентка после многих лет отсутствия вернулась в Германию и, разумеется, желает видиться с сыном. Она уже обращалась к вам по этому поводу письменно, но не получила ответа.

— Я полагал, что молчание было достаточно красноречивым ответом. Я не желаю этого свидания и не допущу его.

— Весьма резкий ответ! Во всяком случае, госпожа фон Фалькенрид...

— Вы хотите сказать — госпожа Салика Роянова? — перебил его майор. — Насколько мне известно, вернувшись на родину, она снова взяла свою девичью фамилию.

— Не в этом дело. Речь идет только о законном желании матери, в котором отец не может и не должен ей отказывать, даже если закон безоговорочно отдал ему сына.

— Не должен? А если я все-таки откажу?

— То вы превысите свои права. Но я попросил бы вас спокойно обсудить дело, прежде чем так решительно отказывать. Никакой приговор суда не в силах до такой степени лишить прав матери, чтобы ей можно было отказать даже в свидании с единственным ребенком. В данном случае закон на стороне моей клиентки, и она обратится к нему, если мое требование будет отвергнуто.

— Пусть попробует, я готов и на это. Мой сын не знает, что его мать жива, и пока не должен знать

этого. Я не хочу, чтобы он виделся и говорил с ней, и сумею помешать этому свиданию. Я не изменю своего решения ни при каких обстоятельствах.

Это было произнесено тоном, не терпящим возражений; лицо Фалькенрида покрылось сероватой бледностью, а голос звучал глухо и грозно. Адвокат понял, что дальнейшие старания будут бесполезны, и пожал плечами.

— Если это ваше последнее слово, то моя миссия окончена и нам остается принять свои меры. Весьма сожалею, что побеспокоил вас.

Он раскланялся с такой же холодной вежливостью, как и в начале визита.

Едва за ним закрылась дверь, Фалькенрид вскочил и возбужденно зашагал взад и вперед по комнате. Несколько минут в комнате царило тягостное молчание. Наконец Вальмоден проговорил вполголоса:

— Этого не следовало делать! Салика едва ли согласится с твоим отказом; она и тогда упорно боролась за ребенка.

— Но я остался победителем, надеюсь, она этого не забыла.

— Тогда речь шла о том, кому достанется мальчик, — возразил Вальмоден, — теперь же мать просит только свидания, и ты не можешь воспрепятствовать ей, если она решительно потребует этого.

Майор резко остановился, и в его голосе слышалось нескрываемое презрение.

— После того что было, она не посмеет требовать. Салика хорошо узнала меня еще тогда, когда

мы разводились. Она побоится вторично доводить меня до крайности.

— Но она может попытаться тайком достичь того, в чем ты ей отказываешь.

— Это невозможно. Дисциплина в нашем заведении слишком строга, и она не сможет ничего сделать, о чем бы я сразу же не узнал.

Вальмоден с сомнением покачал головой.

— Я считаю ошибкой с твоей стороны упорно скрывать от сына, что его мать жива. Что будет, если он узнает это от посторонних? И когда-нибудь да придется же ему сказать об этом.

— Может быть, через два года, когда он самостоятельно вступит в жизнь. Теперь он еще школьник, почти ребенок, я не могу рассказать ему о драме, когда-то разыгравшейся в отцовском доме.

— Так будь, по крайней мере, начеку. Ты знаешь свою бывшую жену и чего можно от нее ждать. Боюсь, что для этой женщины нет ничего невозможного.

— Да, я знаю ее, — с горечью сказал Фалькенрид, — и именно поэтому хочу оградить от нее своего сына. Он не должен дышать воздухом, отравленным ее присутствием. Я осознаю опасность, которая грозит нам с возвращением Салики, но, пока Гартмут возле меня, бояться нечего, потому что ко мне она не приблизится, даю тебе слово!

— Будем надеяться, — ответил Вальмоден, вставая и протягивая на прощание руку. — Но не забывай, что наибольшая опасность кроется в самом Гартмуте — он до последней клеточки сын

своей матери. Я слышал, послезавтра ты собираешься с ним в Бургсдорф?

— Да, он всегда проводит осенние каникулы у Виллибальда. Сам я, вероятно, пробуду там только один день, но в любом случае мы приедем вместе.

Вальмоден ушел, а Фалькенрид снова остановился у окна, его взгляд по-прежнему мрачно устремился на серые облака тумана.

«Сын своей матери!» Эти слова все еще раздавались в его ушах, но ему не было надобности слышать их от кого-то, он сам давно знал это. И именно от этих мыслей образовались такие глубокие морщины на его лбу и он так тяжело вздыхал. Он был из тех людей, которые смело встречают опасность, и уже много лет со всей своей энергией боролся с этим злополучным наследством в крови своего единственного ребенка, и боролся напрасно.

Глава 2

— А теперь серьезно прошу вас прекратить подобные бесчинства, потому что мое терпение наконец лопнуло! За последние три дня в Бургсдорфе все перевернулось вверх дном, будто все с ума сошли. Гартмут от макушки до пяток начинен шалостями, и как только срывается с узды, которую его папаша, по правде говоря, натягивает довольно туго, с ним нет никакого сладу, а ты, как дурак всюду слепо следуешь за ним и послушно исполняешь все, что взбредет на ум твоему господину и повелителю. Славная парочка, нечего сказать!

Этот монолог весьма громким голосом произносила госпожа фон Эшенгаген, владелица Бургсдорфа, сидя за завтраком с сыном и братом. Большая столовая, расположенная на нижнем этаже старинного помещичьего дома, представляла простую, без всякого убранства комнату, из которой стеклянные двери вели на широкую каменную террасу, а оттуда в сад. Дюжина стульев с высокими спинками чинно, точно гренадеры, вытянулись в ряд вдоль стен; тяжелый обеденный стол и два старомодных буфета дополняли обстановку, очевидно служившую уже многим поколениям. Предметов роскоши вроде обоев, ковров и картин не было; здесь довольствовались тем, что получали в наследство от предков, хотя Бургсдорф принадлежал к числу богатейших имений страны.

Внешность владелицы имения вполне соответствовала этой обстановке. Это была женщина лет сорока, высокая, крепкого телосложения, с ярким цветом лица и грубыми, полными энергии чертами. От ее зорких серых глаз ничто не ускользало. Темные волосы она гладко зачесывала назад, платье было простым, а руки, очевидно, умели делать всякую работу. В ее манерах и походке было что-то мужское.

Наследник и будущий владелец майората, которого так отчитывали, сидел против матери и слушал с должным вниманием, в то же время уплетая внушительную порцию ветчины и яиц. Это был симпатичный юноша лет семнадцати. Его внешность не говорила о присутствии в нем выдающегося ума, но зато дышала добродушием; на заго-